

УДК 81'4:159.922

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ И ИХ РОЛЬ В АКТУАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Л.В. Копоть

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Проанализированы прецедентные тексты, вербализирующие гендерные стереотипы в медиадискурсе. В качестве предмета исследования рассматривается гендерная специфика языковой игры в медиадискурсе.

Ключевые слова: прецедентный текст, языковая игра, медиадискурс, гендерные стереотипы, гендерная картина мира.

В современном обществе медийный дискурс, как известно, оказывает сильнейшее влияние на сознание, мировоззрение, ценности членов социума, поскольку тиражирует существующие модели поведения, являющиеся нормативными для данного исторического отрезка, а также способствует актуализации гендерных стереотипов, формирующих определенную картину мира. А.В. Кирилина социокультурно маркированные установки мужчин и женщин, вербально закрепленные в языке, называет гендерной картиной мира [11: 47–81]. Гендерная картина мира, по мнению Н.В. Дутовой, – это совокупность упорядоченных, внутренне связанных, непротиворечивых языковых и культурных ценностей, идеалов, существующих в обыденном сознании и отражающих языковую и культурную дифференциацию полов [4: 30]. В ее основе лежит сравнение двух разных культур: фемининной и маскулинной. И.И. Булычев отмечает, что природная и социальная эволюция смогла векторно «развести» два пола – мужской и женский, исторически закрепив за ними определенные функции. Фактор разделения мужских и женских ролей способствовал детерминированию важнейших черт и образов двух полов [1]. Категория «мужественность»/«женственность» – это бинарная оппозиция в гендерной картине мира любого индивида, дополняющая друг друга, демонстрирующая сущность культуры того или иного социума. Так, А.В. Кирилина отмечает, что исторически данная пара определялась через противопоставление света – тьмы, активности – пассивности, рациональности – иррациональности [12: 144].

Динамические изменения, касающиеся социально-экономического, а также гендерного состояния современного общества, находят словесное отражение в языковой деятельности человека, в разных типах дискурсов, в том числе и в медиадискурсе. Под медиадискурсом понимаем, вслед за В.И. Карасиком, специализированный дискурс, пронизывающий «все типы институционального общения», реализующийся «в деятельности бумажных и электронных средств массовой информации», а также выражающий важную потребность социума – «получение новой информации» [8: 202]. Профессор В.И. Карасик отмечает, что «в условиях постмодерна резко возросла игровая составляющая поведения участников общения со свойственным такому мировосприятию релятивизмом ценностей, карнавальным переворачиванием любых норм общества и акцентированным выражением развлекательности

в медийном дискурсе» [7: 221]. При этом информация, являясь социальным и экономическим индикатором развития общества, позволяющим в рамках медиадискурса привлечь внимание к актуальным гендерным проблемам, включает не только экспрессивно-изобразительные средства, но и социокультурные компоненты, хранящиеся в памяти мужчин и женщин, что, в свою очередь, обеспечивает одну из функций медиадискурса – развлекать. Соответственно можно выдвинуть следующую гипотезу: языковая игра на основе прецедентных текстов в СМИ способствует актуализации гендерных стереотипов.

Согласно О.В. Лисоченко, под языковой игрой понимаем «преднамеренное, нарочитое использование нормативных языковых средств и языковую игру в виде апелляции к прецедентным текстам, а также языковую игру как сознательное отступление пишущего от языковой нормы» [14]. В рамках нашего исследования рассматриваем ее разновидность – использование в речи известных носителям языка прецедентных текстов (текстовых реминисценций) для создания аллюзии, где осуществляется апелляция к культурологическим, историческим, литературным познаниям адресата [15: 128–140].

В настоящее время явление прецедентности ярко проявляется в художественном и медийном дискурсах и становится объектом пристального внимания лингвистов (Ю.Н. Караулов, А.Е. Супрун, В.Г. Костомаров, М.А. Соболева, О.В. Лисоченко, В.В. Красных, Д.Б.Гудков, Е.А.Земская). Показательно, что термины «прецедентность» и «интертекстуальность» нередко коррелируют как синонимы, например, у профессора С.В. Ильясовой [6: 227]. С.В. Ильясова под интертекстуальностью понимает «связь между текстами, принадлежащими разным авторам и относящимися чаще всего к разным эпохам. При этом между двумя художественными текстами возникает некая связь, диалог, который позволяет автору выразить не только личную позицию, но и создать своеобразный контекст, который впоследствии вызывает определенные ассоциации» [6:224]. Однако она отмечает, что в последнее время «категория прецедентности рассматривается применительно к языку СМИ» [6: 227]. Поэтому в рамках данной работы будем использовать понятие прецедентности.

Термин «прецедентность» (от англ. *precedent* – предыдущий, предшествующий) представляет собой случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода, согласно определению С.И. Ожегова [16: 432]. Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен Ю.Н. Карауловым в отношении текстов, в том числе и заголовочных. Он определил эти феномены как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) хорошо известные широкому окружению личности, включая ее предшественников и современников, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [10: 30]. По его мнению, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так как любой говорящий на данном языке знает их содержание, и представляют собой готовые интеллектуальные образцы для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий носителю языка переключение из «фактологического контекста мысли в ментальный, а возможно, и обратно» [9: 220]. По мнению Гудкова, прецедентный текст – это «законченный самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, полипредикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [3: 148]. Он же выделяет прецедент-

ные феномены: 1) прецедентное высказывание как продукт речемыслительной деятельности и законченную предикативную или непредикативную единицу, значения компонентов которой не равны ее смыслу; 2) прецедентную ситуацию как образцовую ситуацию с определенными коннотациями; 3) прецедентное имя – символ, связанное с широко известным текстом, ситуацией, хорошо знакомой носителям языка, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [3:148]. В рамках нашего исследования, вслед за Е.А. Земской, понимаем прецедентные феномены в широком смысле и к ним относим пословицы, поговорки, фразеологизмы и устойчивые выражения; названия кинофильмов; прозаические цитаты; строки из известных песен; названия художественных произведений; выражения эпохи социализма. Е.А. Земская отмечает, что текст, в котором присутствует хотя бы один из феноменов, изначально экспрессивен, служит целям языковой игры, способствуя поэтизации текста, рождает загадку, создает ироническое или гротескное звучание, способствует иерархизации смысла [5: 563]

Материалом исследования послужили тексты общественно-политических периодических изданий «Российская газета», «Коммерсантъ» за 2019–2020 гг., в которых посредством языковой игры – прецедентных текстов привлекается внимание общества к гендерным проблемам.

Гендер, по мнению Е.С. Гриценко, некий «конвенциональный идеологический конструкт», в котором сконцентрированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данном социуме [2: 3–4]. Гендер в любой лингвокультуре предъявляет субъектам определенные правила, которым они должны следовать в соответствии с тем, что им «приказано» гендерной идентичностью. А на нее, в свою очередь, оказывают влияние и этнические особенности той общности, к которой принадлежит индивид. Гендерная специфика языковой игры находит отражение в разных типах дискурса, в том числе и в медиадискурсе как наиболее «зеркальном», мгновенно отражающим ситуацию и реакцию на нее. В нем же социальная реальность подвергается изменениям, что, в свою очередь, становится фундаментом для гендерной интерпретации в виде смены гендерных ролей и норм. Гендерные роли – это функции, которые выполняют мужчины и женщины, предписанные им обществом. Например, мужчина исторически задействован в сфере политики, военного дела. Уход же за детьми, присмотр за ними, приготовление пищи, работа по дому традиционно соотносятся с континуумом женской активности. Гендерные нормы – требования, правила, которым должны следовать мужчины и женщины в соответствии с тем, что им «приказано» гендерной идентичностью. О.В. Рябов пишет по этому поводу: «Если пол осмысляется в категориях «мужчина» и «женщина», то гендер – в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало)» [17: 6]. И именно через оппозицию «мужественность»/ «женственность» и формируется гендерная картина мира, образующая пересекающиеся «ментальные пространства «мужского» и «женского» миров, опосредованных онтогенетически и гносеологически» [18: 15]. Соответственно гендерные стереотипы – это известные, устойчивые взгляды на поведение человека, преломленные сквозь призму его пола. Данные мнения транслируются не только отдельными индивидами, но и различными группами, институтами. В этом отношении примечательны следующие примеры прецедентных текстов, в которых вербально поддерживается актуализация стереотипов в медиатекстах.

1. Стереотип относительно субъекта профессиональной деятельности.

Дамы, вперед! (Сокращен список профессий с ограничениями для женщин). [«РГ», с. 7, 19.08.2019]. Известный фильм 1988 г. режиссера Светланы Дружининой «Гардемарины, вперед!» о трех друзьях из Навигацкой школы. И если в XVIII веке невозможно было представить женщин в роли служителей Отечества, то в XXI веке количество профессий для женщин расширилось. Об интонационной модификации можно говорить в случае рассмотрения данного прецедентного текста как устойчивого выражения «дамы вперед» в значении «женщины первыми проходят в дверной проем», и в таком контексте появление обращения и восклицательной интонации воспринимается с иронией. В традиционном, патриархатном понимании мужчина – добытчик, который работает, обеспечивает семью, а женщина находится дома и воспитывает детей. Профессиональная реализация – исключительно прерогатива мужчин. Однако реалии XXI века свидетельствуют о том, что женщины эффективно справляются с различными социальными ролями.

Дама высокого полета (Первая женщина-пилот санавиации – о любви, огне и небе) [«РГ», с. 4, 6.03. 2019]. Трансформация фразеологического оборота *птица высокого полета* в значении «важная персона». Так говорят о влиятельном человеке с пометой *разг.* Однако замена первого компонента на лексему *дама* способствует тому, что идиома в результате приобретает гендерный контекст. Показательно, что в результате изменений исходного выражения заголовок воспринимается в буквальном смысле. Речь идет об интервью москвички Е. Орешниковой, первой женщине-пилоте санавиации, которая всегда хотела летать. Исторически за женщиной закреплялось приватное пространство, ограниченное семьей, кухней, домом, воспитанием детей. И разрушить этот стереотип стало возможным только тогда, когда мужчины и женщины стали равноправными участниками профессиональной деятельности. Женщина при этом «осваивает профессии, ранее ей не свойственные, летит в космос, служит в полиции, идет в армию, становится кузнецом» [13: 185]. Положительная оценочность достигается за счет употребления лексики *дама* с пометой *устар.*, что значительно повышает потенциал данного словоупотребления, поскольку в России на постсоветском пространстве образовалась лакуна – отсутствие обращения к лицу женского пола. На смену политизированному *товарищ* пришло только обращение по половому признаку *мужчина – женщина/девушка*, при этом возраст девушки находится в диапазоне от 10 до 70 лет, что вызывает комический эффект.

В небе только девушки (курсанткам краснодарского училища президент разрешил летать на истребителях) [«РГ», с. 19, 10.07.2019]. Перед нами трансформация прецедентного названия американского фильма «В джазе только девушки» режиссера Билли Уайлдера, вышедшего в 1959 г. Из статьи узнаем о том, что гендерные стереотипы в начале нового столетия успешно преодолеваются дамами. И теперь не только мужчины, но и женщины будут летать на военных боевых самолетах. Языковая игра очевидна, так как неслучайно в фильме, несмотря на комедийность жанра, ключевой идеей становится столкновение полов и проблема гетеронормативности. Показательно, что здесь можно увидеть и контаминацию двух фильмонимов «В джазе только девушки» и «В небе «ночные ведьмы»» - киноленте, рассказывающей о подвиге советских летчиц во время Великой Отечественной войны. И если в прошлом веке полет осуществлялся на легких бомбардировщиках, переделанных из учебных самолетов, и был

продиктован трагическими обстоятельствами, то в XXI веке женщины по собственному желанию определяют свой профессиональный путь, связав его с тяжелыми высокотехнологичными военными истребителями.

Аты-баты, или девочки (Следственный комитет увеличивает число учебных заведений, где будут учиться девушки) [«РГ», с. 6, 3.07.2019]. Трансформация известного названия фильма режиссера Леонида Быкова «Аты-баты, шли солдаты» 1977 г., в котором рассказывается о трагических буднях времен Великой Отечественной войны. Военное дело – традиционная сфера деятельности мужчин. Однако XX век и Отечественная история 1941-1945 гг. этот стереотип разрушают. Так, согласно архивным данным, официально было мобилизовано около 500 тысяч женщин. Однако участвовало в войне гораздо большее количество. В современной России постоянно расширяются возможности женщин в реализации военной карьеры. Социальные условия складываются таким образом, что даже родители одобряют подобный выбор, они считают, что кадетский вид обучения поможет девушкам получить работу в госструктурах.

Таким образом, в медиадискурсе находит отражение известный гендерный стереотип, касающийся профессионального статуса мужчин и женщин, и регистрируется его трансформация. Инструментом же этой регистрации является основанная на феномене прецедентности языковая игра.

2. Стереотип относительно ответственности.

Слабости сильного пола [«РГ», с. 24, 7.05.2019]. Устойчивое выражение *сильный пол* соотносят гендерно с маскулинным типом, воплощающим силу, мужество, выносливость, защиту, ответственность. Фраза приобретает добавочный компонент *слабости*, семантически противопоставляемый лексеме *сильный*. Из содержания статьи узнаем, что в Астраханской области мужчины чаще забывают о долгах, чем женщины. Слабость в данном сочетании звучит как оксюморон. В результате языковой игры актуализируется стереотип, согласно которому забывчивость, рассеянность – качества, традиционно предписываемые женщинам. Однако на практике именно женщины оказываются более ответственными, обязательными, порядочными в отношении возврата денежных средств.

3. Стереотип относительно материального обеспечения семьи.

Отцы и деньги [«РГ», с. 6, 31.05.2019]. В основе заголовка – трансформация известного массовому читателю библониима. «Играя», журналист заменяет компонент *дети* на лексему *деньги*, фонологически приближающуюся к исходному варианту, добиваясь актуализации смысла. Благодаря необычному звучанию привычного прецедентного феномена узнаем, что только в Москве 239 мужчин должны по 1.000.000 рублей алиментов и более. Так лексема *деньги* в контексте приобретает отрицательную оценочность. К сожалению, несмотря на закон, защищающий разведенную женщину, в одиночестве воспитывающую ребенка, в России остается проблема взыскания долгов с мужчин, не желающих содержать собственных детей. Хотя исторически именно за мужчиной закреплена функция кормильца.

4. Стереотип относительно гендерной принадлежности.

Не то сына, не то дочь (В Америке мама решила сменить пол сыну, из мальчика сделать девочку) [«РГ», с. 9, 25.10.2019]. Цитата приводится в исходном варианте из «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебедь» А.С. Пушкина. Злые сестры, заменив письмо в сумке у гонца, отправляют следующие строки: *Родила царица в*

ночь//Не то сына, не то дочь. В данном случае нет приема внешней трансформации, однако при сохранении плана выражения план содержания кардинальным образом меняется, прагматически значимой оказывается сама идея переключки текстов, которая и способствует формированию оценочности. Вторая часть заголовка сообщает о том, что гендерная революция в США достигла абсурда, а в итоге может пострадать ребенок, ставший заложником гендерной моды. Сравни: *Папа не может* (Суд Техаса запретил отцу препятствовать смене пола его семилетнего сына) [«РГ», с. 7, 24.10.2019]. Если концептуально оппозиция «мужественность» / «женственность» бинарна, то с биологической точки зрения в современном обществе возникла проблема смены пола. Подобные тексты свидетельствуют о попытке разрушения в сознании людей привычной дихотомии «мужское»/«женское» и возможности выбора там, где его исторически и физиологически осуществить было невозможно.

5. Стереотип относительно ухода за детьми.

Папа может (Отец в декрете) [«РГ», с. 3, 28.02.2019]. Журналист описывает один день из жизни молодого отца, сидящего в декретном отпуске с трехлетней дочкой. В результате приема языковой игры в качестве заголовка – слова из известной юмористической «Песенки про папу» В Шаинского и М. Танича. Этот музыкальный шедевр стал невольно на многие годы в Советском Союзе и уже России феминистским гимном. В тексте иронично перечисляются славные подвиги папы, который может все, кроме одного, не может быть мамой. Однако вторая часть заголовка свидетельствует об обратном. Традиционно декретный отпуск в нашей стране берут мамы, в обязанности которых входит воспитание малыша. Этот гендерный стереотип весьма устойчив в российском обществе. Однако изменение социальных ролей в семье (жена пьет и не может должным образом заботиться о ребенке; или жена зарабатывает больше мужа, и ей невыгодно сидеть дома) приводит к отступлению от гендерных норм. В современных реалиях папа успешно выполняет функции мамы в уходе за ребенком.

6. Стереотип относительно карьеры.

Дамы пропускают кавалеров (Женщины быстрее делают карьеру, хотя начать ее им сложнее, чем мужчинам) [«РГ», с. 4, 12.03.2019]. В сознании реципиента возникает устойчивая фраза «Дамы приглашают кавалеров», используемая как клише при объявлении музыкальной композиции, когда ведущим партнером становится женщина, выбирающая себе пару, что обычно остается прерогативой мужчины. Название вполне объяснимо, если обратить внимание на вторую часть заголовка. Речь идет о карьере женщин, которые, согласно статистике, быстрее реализуют свой потенциал, однако им намного сложнее в мире бизнеса, традиционно считающегося полем для игроков - мужчин. Исторически карьера – история мужчин, поэтому в обществе постсоветского периода женщине отводится роль жены, матери, хозяйки, труженицы, однако без надежды реализовать карьерные планы, осуществить профессиональный рост и самореализацию в социальной сфере. Власть и политика - это пространство, традиционно являющееся монополией мужчин.

7. Стереотип относительно обучения детей женщинами в сфере образования.

Один в школе воин (Почему на 10 женщин-педагогов приходится один мужчина) [«РГ», с. 9, 25.09.2019]. Положительная оценка заключается в высокой лекси-

ке: *воин*, а также в выборе данной пословицы, создающей аллюзию. Перед нами трансформация исходной пословицы *один в поле не воин*, употребляемая в значении «сила в единстве, в одиночестве масштабных задач не решить». Происходит замена компонента *поле* в значении «поле брани, битвы» на лексему *школа*, а также удаление частицы *не*, что актуализирует внимание читателей. Привлечено внимание социума к проблеме гендерного дисбаланса при анализе педагогических кадров в системе образования. Мужчина традиционно – добытчик, который должен обеспечить свою семью. Однако зарплата в школе скорее символическая, поэтому социализация подростков оказывается не полной, образцов мужской самоидентификации у мальчиков, как правило, немного. Кроме того, именно за женщиной закреплена сфера образования. На родительских собраниях традиционно доминируют мамы. Однако в современной педагогике есть попытки преодолеть данный стереотип. Сравни: *Папа сможет?* (Родителей пригласили в школу воспитания) [«РГ», с. 12, 9.08.2019]. В статье идет речь о курсах для отцов, воспитывающих сыновей. Там же поднимается проблема «правильного», гендерного воспитания мальчиков.

Таким образом, в современном медиадискурсе наблюдаем усилившуюся тенденцию к языковой игре, разновидностью которой являются прецедентные тексты, вербально актуализирующие и, что самое важное, трансформирующие стереотипы мужественности и женственности в русской лингвокультуре относительно профессионального становления, карьерного роста, материального обеспечения семьи, ухода за детьми и их воспитания, ответственности, гендерного статуса.

Список литературы

1. Булычев И.И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира // Теоретический журнал «Credo» URL://www.credonew.ru/content/view/384/56/(дата обращения: 28.09.2019).
2. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. Нижний Новгород: изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 267 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. 288с.
4. Дутова Н.В. Гендерная картина мира: основные характеристики и функциональное предназначение // Наука и образование: НОВОЕ ВРЕМЯ. Чебоксары, 2018. № 6. С.30–32.
5. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004. С.602.
6. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта – Наука, 2009. 295с.
7. Карасик В.И. Языковая пластика общения. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
8. Карасик В.И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264с.
10. Караулов Ю.Н. О состоянии современного русского языка // Русская речь. 2001. № 3. С.25–30.
11. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. С. 47–81.
12. Кирилина А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, ВГУ, 2001. С.141–149.
13. Копоть Л.В. Репрезентация этногендерной картины мира в профессиях и должностях древнерусского языка//Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2020. №1. С.183–187.

14. Лисоченко Л.В., Лисоченко О.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации). Языковая игра как феномен современной русской речи[Электронный ресурс] / URL://www.rusword. org/ (дата обращения: 5.10.2020).
15. Лисоченко О.В. Языковая игра: когнитивный, прагматический и собственно лингвистический аспекты // Филология на рубеже тысячелетий. Материалы межд. науч. конф. Вып.2. Ростов н/Д, 2000. С.130–131.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940с.
17. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии серебряного века. Иваново: Ивановский государственный университет, 1997. 157 с.
18. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. 191 с.

PRECEDENT TEXTS IN THE MEDIA DISCOURSE AND THEIR ROLE IN FOREGROUNDING GENDER STEREOTYPES

L.V. Kopot

Adyghe State University, Maykop

This work analyzes precedent texts verbalizing gender stereotypes in media discourse. Gender specificity of language game in the media discourse is considered as a subject of this study.

Keywords: *precedent text, language game, media discourse, gender stereotypes, gender picture of the world.*

Об авторе:

КОПОТЬ Лилия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: kopot79@mail.ru.